

СОВРЕМЕННОКИ О И.А. БУНИНЕ

Участники литературного объединения «Среды».

Стоят (слева направо): Скиталец (С. Г. Петров), Максим Горький.

Сидят (слева направо): Леонид Андреев, Федор Шаляпин, Иван Бунин,

Николай Телешов, Евгений Чириков

**Валерий Яковлевич
Брюсов:**

«Ив. Бунин во многом противоположен Бальмонту. Насколько Бальмонт, в своей поэзии, “стихийно-разрешенный”, настолько Бунин — строг, сосредоточен, вдумчив. У Бальмонта почти все — порыв, вдохновение, удача. Бунин берет мастерством, работой, сознательностью. По духу Бунин ближе всего к французским парнасцам, чуждым жизни и преданным своему искусству. Поэзия Бунина холодна, почти бесстрастна, но не лучше ли строгий холод, чем притворная страстность? Бунин понял особенности своего дарования, его ограниченность и, как кажется, предпочитает быть господином у себя, чем терпеть неудачи в чужих областях. Мы, по крайней мере, ставим в особую честь Бунину (особенно принимая во внимание

ту литературную группу, к которой он примыкает), что в недавно пережитые годы он не стал насиловать своей поэзии, не погнался за дешевыми лаврами политического певца, а продолжал спокойно идти своим путем»¹.

**Николай Дмитриевич
Телешов:**

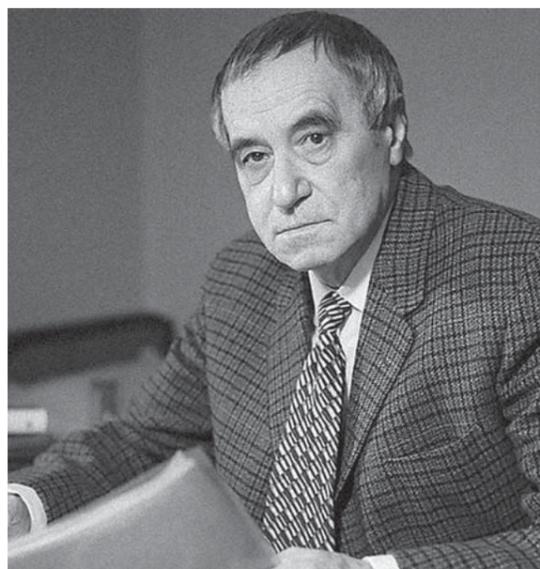
«Бунин представлял собой одну из интересных фигур на “Среде”. Высокий, стройный, с тонким, умным лицом, всегда хорошо и строго одетый, любивший культурное общество и хорошую литературу, много читавший и думавший, очень наблюдательный и способный ко всему, за что брался, легко схватывавший суть всякого дела, настойчивый в работе и острый на язык, он врожденное свое дарование отграничил до высокой степени. Литературные круги и группы, с их разнообразными взглядами, вкусами и искательством, все одинаково признавали за Буниным крупный талант, который с годами все рос и креп, и, когда он был избран в почетные академики, никто не удивился; даже недруги и завистники ворчливо называли его “слишком юным академиком”, но и только. Наши собрания Бунин не пропускал никогда и вносил своим чтением, а также юмором и товарищескими остротами много оживления.

¹ Брюсов В.Я. Ив. Бунин // [Режим доступа]: http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_1907_bunin.shtml (дата обращения: 22.08.2021).

Это был человек, что называется, — непоседа. Его всегда тянуло куда-нибудь уехать. Подолгу задерживался он только у себя на родине, в Орловской губернии, в Москве, в Одессе и в Ялте, а то из года в год бродил по свету и писал мне то из Константинополя, то из Парижа, из Палестины, с Капри, с острова Цейлона... Работать он мог очень много и долго: когда гостил он у меня летом на даче, то, бывало, целыми днями, затворившись, сидит и пишет; в это время не ест, не пьет, только работает; выбежит среди дня на минутку в сад подышать и опять за работу, пока не кончит. К произведениям своим всегда относился крайне строго, мучился над ними, отделявал, вычеркивал, выправлял и вначале нередко недооценивал их. Так, один из лучших своих рассказов — “Господин из Сан-Франциско” он не решался отдать мне, когда я составлял очередной сборник “Слово”; он считал рассказ достойным не более как для фельетона одесской газеты. Насилу я убедил его напечатать в “Слове”, которое пользовалось среди читателей большим вниманием и спросом»².

Валентин Петрович

Катаев:

«Я затрепетал от того, что в моем присутствии родился настоящий литературный афоризм, но не растерялся и сейчас же протянул Бунину его большой коричневый фотографический портрет на сером паспарту, купленный накануне за один рубль серебром у фотографа, который выставил его для рекламы в витрине своего ателье на Ришельевской улице, в знаменитом одесском пятиэтажном небоскребе, построенном из желтого кирпича в мавританском стиле.

На фотографии — под папиросной бумагой, как невеста под фатой, — было изображение Бунина, который несколько боком сидел в каком-то железном садовом кресле, схватившись сухими руками за подлокотники и вытянув вперед к зрителям ногу, заложенную за ногу так,

что заграничные полуботинки оказались на первом плане и вышли неестественно большими со всеми своими подробностями: толстой подошвой, дырочками вокруг союзок, кожаными шнурками, завязанными бантом, в то время как характерная голова академика с выдающимся дворянским затылком вышла несколько менее крупной, чем мне бы хотелось; даже отборный садовый гравий на переднем плане вышел куда более выразительно, чем все остальные аксессуары.

Увидев в витрине эту фотографию, я побежал домой и почти со слезами вымолил у тети рубль, который с меня запросил бездарный, но хитрый фотограф, смекнувший, что имеет дело с молодым поэтом, поклонником столичной знаменитости.

Теперь я извлек из пожелтевшей газетной бумаги портрет и подал его Бунину.

— Вы хотите, чтобы я вам что-нибудь написал на память? — спросил Бунин бесстрастно, но, как это ни странно, я вдруг понял, что в глубине души он польщен и моим смущением, и своим портретом, на который искоса взглянул, по-видимому тут же отметив про себя весь его провинциализм, начиная от серого паспарту и кончая папиросной бумагой третьего сорта. — Но что же вам написать, вот вопрос?

— Напишите, если можно, то, что вы только что сказали.

— А что я сказал? — удивился Бунин.

— Ну как же... Вы сказали, что заумное, так сказать, — это глупость.

— Разве я это сказал?

— Конечно, сказали.

Бунин на минуту задумался, но сейчас же извлек из внутреннего кармана жакета автоматическую ручку — что по тем временам было большой новостью — и отвинтил головку.

— Извольте. Ваше имя?

Я сказал.

Он положил портрет на гипсовую балюстраду и четкой клинописью написал в левом верхнем углу, где было посвободнее от аксессуаров: “Валентину Катаеву. Заумное есть глупость. Ив. Бунин”³.

Борис Константинович

Зайцев:

«Захотелось перечитать “среднего” Бунина, не очень раннего (с романтическим еще оттенком) и не позднего, более успокоенного, эмигрантского.

“Деревня” написана в 1909 г. С юных лет я Бунина высоко ценил как художника. И побаивался и любил. Эту “Деревню” читал он нам до печати, еще в рукописи, в темноватой комнате квартиры Муромцевых, родителей его жены, Веры, в Скартном переулке. Из всей комнаты

² Телешов Н.Д. «Среда». Литературный кружок // [Режим доступа]: http://az.lib.ru/t/teleshov_n_d/text_03_sreda-literaturniy_kruzhok.shtml (дата обращения: 22.08.2021).

³ Катаев В.П. Трава забвенья // [Режим доступа]: <https://www.litmir.me/br/?b=13709&p=2> (дата обращения: 22.08.2021).

запомнилась коробка с гильзами для папирос на столе да просыпанный на черную клеенку рыжий табак. Как везде, где Иван жил, было неуютно, и такое впечатление, что вот приехал человек в гостиницу какого-нибудь Ельца или Каширы, проживет два дня да и уедет.

<...> Нельзя сказать, чтобы “Деревня” эта имела у нас успех. <...> Где она потом была напечатана, не помню, но вызвала шум. Народники упрекали за мрак изображения, односторонность подхода. Марксистам нравилось, что русская деревня “никуда”, вот они все наладят.

Много лет спустя, уже после Нобелевской премии, в Грассе, Иван сам разгромил эту “Деревню” в выражениях не совсем, лояльных <...>.

И перечитывать стал другие вещи, несколько более поздние. Названия все знакомые, но оказались и некоторые “открытия”. То ли по-другому воспринял, то ли не все читал в свое время, нодохнуло большим искусством и подземной какой-то, орловской силой, которая в елецком Иване сидела и влекла его к народу, пейзажам, *du prostoi*, кого он и громил одной частью своей души, но и сам был плоть от плоти этого “народа”, хоть и гордился древним родом Буниных, записанным в шестой дворянской книге (самой знаменитой).

Все эти повествования — “Суходол”, “Сто восемь”, “Ночной разговор” (страшная вещь), “Хорошая

жизнь”, “Веселый двор”, “Игнат” — глубоко горестны, даже трагический налет на них. Дело не в одном быте крестьянском, темном и глухом во многом, но и в горьком взоре, коим смотрит на жизнь автор. (Это личное, некий внутренний фонарь, и делает то, что писания Бунина не “очеркизм”, а искусство, не фотография, а преломление в душе художника: действительность плюс душа). Будто он и в сторонке, ничего не навязывает, а выходит так, что ему подчиняешься»⁴.

Зинаида Алексеевна Шаховская:

«Самое же главное и неизлечимое, была рана, нанесенная ему судьбою, историей, революцией: изгнание. Типично русский человек в своем неистовстве, вне России — не-

смотря на все свои скитанья, вольные или невольные — себя не мыслящий, писавший для русского народа, Бунин был оторван и от России, и от читателей, для которых писал. Он ненавидел коммунизм за его хамскую тупоголовость, за разрушение прошлого, без которого нет и будущего, за погашение духа и творчества, за убийство России, потому что без преемственности нет и культуры — а цепь культуры была прервана насильем и, может быть, навсегда...»⁵

Нина Николаевна Берберова:

«Характер у него был тяжелый, домашний деспотизм он переносил и в литературу. Он не то что раздражался или сердился, он приходил в бешенство и ярость, когда кто-нибудь говорил, что он похож на Толстого или Лермонтова, или еще какую-нибудь глупость. Но сам возражал на это еще большей нелепицей:

— Я — от Гоголя. Никто ничего не понимает. Я из Гоголя вышел.

Окружающие испуганно и неловко молчали. Часто бешенство его переходило внезапно в комизм, в этом была одна из самых милых его черт:

— Убью! Задущу! Молчать! Из Гоголя я!»⁶.

Александр Васильевич Бахрах:

«Вера Николаевна не дотянула всего лишь несколько лет до того, чтобы иметь право отпраздновать свою “золотую свадьбу” с Иваном Алексеевичем (ведь так несущественно, что их брак был официально оформлен только в Париже на заре эмиграции). Я толком не знаю, как поначалу протекала их совместная жизнь, но судя по тому, что мне достаточно хорошо известно вплоть до отъезда из России, в житейском плане все протекало вполне нормально, по заведенному трафарету.

Может быть, уместно тут добавить одну небольшую, но как-никак вескую деталь: до приезда в Париж Бунины никогда собственного жилья не имели. Они жили то в имениях родственников, то в семье Муромцевых, родителей Веры Николаевны, то в гостиницах, много путешествовали, побывали в экзотических странах, зимы год за годом проводили на Капри. Если этот кочевой образ жизни в меньшей степени отражался на “муже”, то он не мог не наложить какого-то отпечатка на “жену”.

Очутившись в эмиграции, они, как и все те, кто покинул “насиженные гнезда”, страдали и морально, и материально. Относительное безденежье усугубляло происшедшую

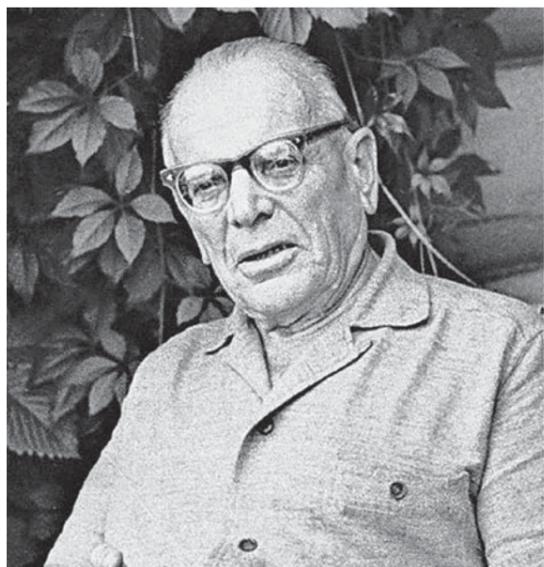
4 Зайцев Б.К. Перечитывая Бунина // [Режим доступа]: http://az.lib.ru/z/zajcew_b_k/text_1967_perechityvaya_bunina.shtml (дата обращения: 22.08.2021).

5 Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 5.

6 Берберова Н.Н. Курсив мой // [Режим доступа]: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/299410-nina-berberova-kursiv-moj.html> (дата обращения: 22.08.2021).

ломку привычного образа жизни. Но почти сразу после переселения во Францию Грасс стал для Бунина подлинным магнитом, к которому он неустанно тянулся, хотя в то же время завел маленькую квартирку в Париже, с грехом пополам оставив ее»⁷.

Константин Георгиевич Паустовский:

«Бунин дошел, особенно в своей автобиографической книге “Жизнь Арсеньева”, до того предела в области прозы, о котором говорили Чехов и Лев Толстой — до предела, когда проза сливается в одно органическое неразделимое целое с поэзией, когда нельзя уже отличить поэзию от прозы и каждое слово ложится на душу, как раскаленная печать. Достаточно прочесть несколько строк Бунина о своей матери,

о навсегда затерянной ее могиле, строк, написанных человеком, чьи дни на земле были уже по существу сочтены, чтобы понять силу любви, нашедшей единственно возможное и единственно нужное выражение. Что-то почти библейское по скупости и мощи слов заключено в этих строках. Бунина большинство знает главным образом как прозаика. Но как поэт он стоит на уровне своей прозы. У него много превосходных стихов. Стихи эти, равно как и проза Бунина, говорят о необыкновенной его способности перевоплощаться, если можно так выразиться, во все то, о чем он пишет. Почти мгновенно он схватывает и закрепляет в слове те черты людей и пейзажа, которые с особой точностью передают сущность того, о чем Бунин пишет. Да, Бунин суров, почти безжалостен. Но вместе с тем он пишет о любви с огромной силой. Для него любовь гораздо шире и богаче, чем обычное представление о ней. Для него любовь — это приобщение ко всей красоте и ко всем сложностям мира. Для него — это ночи, дни, небо, беспредельный шум океана, книги и размышления — одним словом, это все, что существует вокруг. Пейзаж Бунина так точен, богат, так географически разнообразен и вместе с тем так полон лирической силы, что говорить о нем вскользь нет возможности. Эта тема требует особого разговора. Бунин великолепно, с полным совершенством

владел русским языком. Он его знал так, как может знать лишь человек, бесконечно любящий свою страну. Язык Бунина прост, даже временами скуп, очень точен, но вместе с тем живописен и богат в звуковом отношении, — от звенящей медью

торжественности и до прозрачности льющейся родниковой воды, от размеренной чеканности до интонаций удивительной мягкости, от легкого напева до медленных раскатов грома. В области языка Бунин мастер почти непревзойденный»⁸.

⁷ Бахрах А.В. Бунин в халате. New Jersey: Товарищество зарубежных писателей, 1979. С. 25.

⁸ Паустовский К.Г. Иван Бунин // [Режим доступа]: http://lib.ru/PROZA/PAUSTOWSKIJ/iwan_bunin.txt (дата обращения: 22.08.2021).